

23. Kuzmin Y.V. Siberia at the Last Glacial Maximum: Environment and Archaeology // Journal of Archaeological Research. – 2008. № 16. P. 163-221.

24. Morisaki K. The evolution of lithic technology and human behavior from MIS 3 to MIS 2 in the Japanese Upper Paleolithic // Quaternary International (2010), doi:10.1016/j.quaint.2010.11.011 (article in press)

25. Perreault Ch., Brantingham P. J. Mobility-driven cultural transmission along the forager–collector continuum // Journal of Anthropological Archaeology (2010), doi:10.1016/j.jaa.2010.10.003 (article in press)

26. Sano K. Emergence and mobility of microblade industries in the Japanese islands overview // Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. P. 79-90.

27. Seong Ch. Late Pleistocene Microlithic Assemblages in

Korea // Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America. Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. P. 103-114.

Ташак Василий Иванович, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН, доцент кафедры истории, археологии и этнографии БГУ. 670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. e-mail: tv1960@mail.ru

Антонова Юлия Евгеньевна, аспирант ИМБТ СО РАН, 670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. e-mail: yulya_an@mail.ru

Tashak Vasily Ivanovich, main scientific worker of the Institute of IMBT SD RAS., the senior lecturer of Chair of History, archeology and ethnography of the BSU, 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova str., 6 e-mail: tv1960@mail.ru

Antonova Yulia Evgenievna, postgraduate student of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, 670047, Ulan Ude, Sakhyanova str., 6, e-mail: yulya_an@mail.ru

УДК 39 : 82 (=512:36)

Д. Д. Трегубова

СУБЭТНОС В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается применение термина «субэтнос» в трудах российских этнологов.

Ключевые слова: этнос, субэтнос, этническая группа, этнографическая группа

D.D. Tregubova

SUBETNOS IN LITERATURE

The article considers using of the term «subethnos» by Russian ethnologists.

Keywords: Ethnos, subethnos, ethnic group, ethnographical group

Д.А. Доржиева, ссылаясь на А.М. Решетова, справедливо замечает, что на современном этапе развития этнологии тезис о неоднородности, гетерогенности этноса является бесспорным [10, с. 14]. А сам А.М. Решетов по этому поводу пишет: «Гетерогенность <этноса> существует всегда, на всех этапах истории, при разных социально-экономических формациях и соответственно разных типах этнических общностей, имеет совершенно явную активную тенденцию к сохранению в современных обществах» [17, с. 127]. «Гетерогенность, – дополняет Д.А. Доржиева, – является перманентным состоянием этноса, говорить же об абсолютной интеграции <этноса> вообще не приходится. Пути изменения в соотношении этносов и их подразделений – субэтнических групп – определяются ходом исторического развития. Как показывает этническая история, на смену одним внутриэтническим структурам приходят новые образования на качественно другой основе, соответствующие уровню развития этноса» [10, с. 3-4].

Итак, поскольку само существование внутриэтнических подразделений не подлежит сомне-

нию, мы можем перейти к проблеме терминологической путаницы, существующей в означенной области.

«Построение системы абстрактных, а потому чисто формальных понятий, аналогичных тем, что существуют в естественных науках, – единственное средство духовного господства над многообразием общественной жизни», – писал ещё Макс Вебер [7, с. 385]. Однако проблема систематики этнических общностей, основанной на выявлении единиц различных уровней этнической иерархии, которой в 1988 г. посвятил свою статью М.В. Крюков [11, с. 5-22], до сих пор является актуальной (в качестве составной части общей теории этноса). И то, что устоявшаяся система понятий, характеризующих фактически наблюдаемые структурные подразделения этноса, в этнографической науке до сих пор отсутствует, снова и снова отмечается различными исследователями [12, 10 и др.].

Особенно важна данная проблема для современного бурятоведения; и в бурятоведческой литературе обозначение термина «субэтнос» до настоящего времени не получило обстоятельного

обоснования: «внутриэтнические подразделения бурят именовались по-разному: родоплеменными группировками, этнотерриториальными, этнографическими и этническими группами», в результате «смысловое разнообразие используемых терминов значительно усложнило понимание этнической реальности» [10, с.4]. Относительно недавно В.Н. Куриловым было отмечено, что внутреннее структурирование этносов стало предметом внимания этнологов только в последние десятилетия (как уже было сказано выше). Из контекста понятно, что автор предлагает считать 1980-е гг. началом проявления этого внимания [10] (ссылаясь, к примеру, на С.И. Брука, который при описании различных субэтнических подразделений термина «субэтнос» не употреблял, а писал об «обособленных группах» и «этнографических группах» [5, с. 74-75, 222]).

Однако после прочтения статьи М.В. Крюкова в 18-м выпуске ежегодника «Расы и народы» [11, с. 5-22] складывается немного другое мнение.

М.В. Крюков пишет: «В 1957 г. М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров высказали принципиально важное суждение о том, что термин «этническая общность» шире понятия «народ», или «этнос», ибо можно назвать как группу народов, близких по языку и культуре, так и часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие [13, с. 10].

Данная концепция получила дальнейшее обоснование в книге Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой «Народы, расы, культуры» <1971>. Единицы низшего таксономического уровня определяются здесь как «территориально-культурные подразделения народов», а этнические общности высшего порядка – как объединяющие несколько народов, родственных по происхождению, говорящих на близких языках и обладающих сходными чертами культуры» [20, с. 33,34].

В Н. Курилов, кстати, тоже упоминает эту знаменитую книгу [12]. Однако датирует её появление 1985 г.; ведь в 1985 г. вышло уже второе издание рассматриваемой работы.

Как бы там ни было, но в книге Н.Н. и И.А. Чебоксаровых «Народы, расы, культуры» мы находим понятие «субэтнос» в качестве синонима этнографической группы: «территориально-культурные подразделения народов обычно называют «этнографическими группами» или субэтносомами; они могут совпадать с районами распространения языковых диалектов, хотя такое совпадение и не является обязательным. Северные и южные вели-

корусы – это только основные этнографические и вместе с тем диалектологические группы русского народа»; и самое главное для нас: «внутри каждой из них можно выделить ещё несколько характерных этнографических групп меньшего масштаба, также обладающих специфическими культурно-бытовыми особенностями» [20, с. 31] (то есть возможность существования субэтносома внутри субэтносома тоже уже признаётся).

Также В.Н. Курилов обращает внимание ещё на один небезынтересный и важный для нас момент: в книге Чебоксаровых тема этнического (субэтнического) самосознания в связи с внутриэтнической таксономией вообще не затрагивается; однако в учебнике «Этнография» под редакцией Ю.В. Бромлей и Г.Е. Маркова, где мы снова сталкиваемся с формулировкой «многие этносы... нередко сами состоят из ...этнографических групп или субэтносов» [22, с. 7], самоназвание и «двойственное самосознание» оказываются атрибутом «этнографических групп» (или субэтносов) [12].

Наверное, ни один научный историографический обзор на заданную тему не обходится без описания эволюции взглядов на проблему систематики этнических общностей Ю.В. Бромлей.

В 1972 г., например, он предложил терминологически разграничивать следующие уровни этнической иерархии: а) «основные этнические подразделения», или «этносы»; б) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы», – наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего; в) «макроэтнические единицы» – этнические общности, охватывающие несколько основных подразделений [1, с. 61]. «Подчёркивая необходимость противопоставлять понятия «этнос» в его узком (этническом) и широком (этносоциальном) смысле, Ю.В. Бромлей высказал мысль о том, что собственно этническую микроединицу представляет собой отдельный человек, тогда как этносоциальной микроединицей в зависимости от этапа развития может быть локализованная часть рода, большая или малая семья» [11, с. 5-6].

Далее, в работе «Этнос и этнография», вышедшей в свет в 1973 г., вышеприведённая типологическая схема была отчасти видоизменена. В примечании автор упоминает о «субэтносомах», или «промежуточных этнических подразделениях» как составных частях единиц основного уровня [4, с. 125-152], хотя они и не рассматриваются им в данном случае в качестве самостоятельного

уровня таксономии [11, с. 6].

Ссылаясь на данную книгу, С.И. Брук и Н.Н. Чебоксаров выдвинули в 1976 г. собственную трактовку иерархии этнических общностей: в ней микроэтнический уровень отождествляется с «субэтнотомом», который понимается как наименьшая составная часть основного этнического подразделения [6, с. 16].

В книге Ю.В. Бромлея «Современные проблемы этнографии», опубликованной в 1981 г., первоначальная схема автора почти не претерпела изменений: разграничивая три уровня иерархии, он затем упоминает о «субэтнотоме», занимающих «промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами» [3, с. 48,49]. В то же время высший уровень иерархии Ю.В. Бромлей предложил отождествлять с «метаэтническими общностями» – понятием, введённым в научный обиход С.И. Бруком и Н.Н. Чебоксаровым.

И лишь в 1983 г. в «Очерках теории этноса» [2, с. 81-82] Ю.В. Бромлей выделяет субэтнотомы (субэтнические подразделения) в качестве одного из четырех последовательных таксономических уровней, включающих: а) основные этнические подразделения; б) элементарные этнические единицы; в) субэтнические подразделения; г) макроэтнические единицы, или метаэтнические общности» [11, с. 6]. Об особой научно-теоретической значимости «Очерков» красноречиво свидетельствует факт переиздания книги в 2008 г.

Как отмечает Д.А. Доржиева, в вопросе о единице микроэтнического уровня позиция Ю.В. Бромлея отличается оригинальностью: ведь в качестве микроэтнической единицы у него выступает отдельно взятый человек. (Таким образом, субэтнос, естественно, отнесён к среднему таксономическому ряду, занимая в его классификации промежуточное положение между этнотомом и выделенной им таксомой – человеком [10, с. 15], или этнофором [16, с. 18-19].) Однако, по справедливому замечанию М.В. Крюкова, сам по себе этнофор не обеспечивает межпоколенное воспроизводство этнических свойств, кроме того, не противопоставляет себя этническим единицам того же уровня – другим этнофорам [11, с. 6-7], в то время как оба эти признака имеют большое значение при выделении этнических общностей (по крайней мере так полагает М.В. Крюков). Возможно, поэтому выделение человека в качестве этнической микроединицы не является вполне целесообразным. Сам же Ю.В. Бромлей объяснял включение человека в состав своей классифика-

ции тем, что при выделении им четырёх уровней этнической иерархии он имел в виду различные таксономические уровни не этнических общностей, а всей этнической структуры человечества [4, с.183, в данном контексте приведённая выше классификация Ю.В. Бромлея представляет большой интерес].

Исследовав встречающиеся в литературе названия подразделений этносов, В.Н. Курилов пишет о наиболее частом употреблении этнологами трёх терминов: «этническая группа», «этнографическая группа» и «субэтнос» («для единообразия номенклатуры именуемый также «субэтнической группой») [12].

Тот же Ю.В. Бромлей, например, подробно обосновывал необходимость различения «этнических» и «этнографических общностей», придавая особое значение тому, что «этнографическая общность» «обычно не осознается людьми, составляющими ее, т.е. не обладает самосознанием», а потому подчеркивая «...возможность выявления подобных общностей главным образом путем специального этнографического исследования» [2, с. 84].

Представляется весьма интересным предложение Л.И. Шерстовой различать «этническую» и «этнографическую» группы по их месту и роли в этноэволюционных и этногенетических процессах. «Трудность состоит в том, – пишет исследовательница, – что всякий этнос – явление сложное и гетерогенное. Достаточно вспомнить о наличии таких его подразделений, как этническая и этнографическая группы» [18, с. 72-77].

И далее: «соглашаясь с мнением А.М. Решетова о том, что этническая и этнографическая группы суть подразделения этноса, но учитывая неразработанность понятийного аппарата, автор придерживается следующих определений: этнографическая группа – новообразование, достаточно гомогенное; часть уже сформировавшегося этноса (народности, нации), в силу ряда причин – географических, политических, религиозных и пр. – приобретшая специфические культурные особенности. Этническая группа – новообразование, изначально полиэтническое, гетерогенное; в результате действия тех же факторов оно достигает устойчивой целостности и отличается от исходных этносов культурной спецификой; имеет тенденцию, направленную на формирование самостоятельного этноса» [21, с. 29-45,]. При этом субэтнотомы являются и этнографические, и этнические группы.

Как видим, здесь полностью снимается противопоставление «этнического» – «этнографическому» по параметру самосознания, зато вводится параметр динамики этноисторического процесса. Стоит обратить внимание на то, что определения, данные Л.И. Шерстовой, резко противоречат определениям, например, того же Ю.В. Бромлея, у которого «этническая группа» ассоциируется с «осколками» этноса, к тому же попавшими в среду, чуждую для них не только в языковом или культурном, но и антропологическом (расовом) отношении [2, с. 53, 85].

В энциклопедическом издании «Народы России» понятиям, связанным с внутриэтнической структурой, даются уже достаточно развернутые определения. «Субэтническая группа» трактуется в нём как «общность людей, составляющая часть этноса, занимающая компактную территорию и обладающая в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего самосознания этнического. Субэтнические группы образуются вследствие неполной консолидации этноса (например, эрзя и мокша в составе мордвы) или в результате сепарации, напр. при миграциях части этноса (рус. поморы) ее обособление может сопровождаться изменением хозяйственной деятельности (поморы), социального статуса (казаки) и т.п. В ходе консолидации этноса субэтнические группы могут утратить свое самосознание, т.е. превратиться в этнографическую группу и в дальнейшем исчезнуть, как, например, большинство родоплеменных образований у сибирских народов, либо обособиться в самостоятельный этнос (группа юкагиров – чуванцы)» [15, с. 461].

Данное понятие, очевидно, отличается от приведённого здесь же понятия «этнографическая группа», определяемого как «локальное подразделение этноса, отличающееся языком (диалектом, говором) и отдельными компонентами культуры, но не имеющее своего этнического самосознания. Например, этническая группа в составе русских. Этнические группы обычно возникают при сильном расширении этнической территории, вызывающем у различных групп культурную специфику. Они часто бывают также остатком не до конца исчезнувших субэтнических групп. В дальнейшем этнические группы могут приобрести этническую специфику и превратиться в субэтническую группу (например, русскоустыинцы и марковцы в Сибири, казаки, поморы и др.). Приведем также определение в том же издании содержания понятия «этническая группа»: 1) то же, что субэт-

ническая группа; 2) часть этноса, отделившаяся от него в результате миграции, но сохраняющая прежнее самосознание и частично культуру, напр., немцы в Казахстане, латыши, эстонцы, литовцы в Сибири и др. Они иногда называются также территориальными группами; 3) иногда этнические группы называются метаэтническими общностями» [15, с. 466].

Жестко иерархического отношения между понятиями «субэтническая группа», «этническая группа» и «этнографическая группа» в данном комплексе определений нет; напротив, внимание акцентируется на переходах между тем или иным способом определяемого общностями этнокультурного характера. Единственное достаточно «сильное» (в логическом смысле) различие осуществляется по линии наличия/отсутствия «этнического самосознания». Любопытно, что в определении «субэтнической группы» этот компонент оказывается географически детерминированным: «занимающая компактную территорию и обладающая в силу этого ... элементами общего самосознания этнического» [12, с. 3-4].

Необходимо особо подчеркнуть, что при обращении к проблеме внутриэтнической структуры особое значение имели труды Л.Н. Гумилева. Уже в первых работах этапа экспликации и пропаганды своей теории этничности (60-80-е гг. XX в.) Л.Н. Гумилев поставил вопрос об исторически изменчивых формах внутриэтнической структуры и конструктивной роли этих форм в процессе этногенеза (в понимании автора) [8, с. 13-17]. В сжатом виде содержание понятия «субэтнос», по Л.Н. Гумилеву, раскрывается так: «субэтнос – этническая система, выделяющаяся внутри этноса своим стереотипом поведения и противопоставляющая себя окружению на основе взаимной комплиментарности составляющих ее членов. С. – этнический таксон рангом ниже, чем этнос. Наличие разнообразных С. – важный признак устойчивости этноса, так как С. делят между собой функции, находясь в отношениях симбиоза. Путем неантагонистического соперничества С. делают внутреннюю структуру этноса наиболее гибкой, не нарушая его единства. В процессе этногенеза С. возникают и рассасываются (в той или иной степени безболезненно), сменяясь другими... С. могут выступать в весьма различной форме – как этнографические группы, живущие на определенной территории, как сословия, как конфессиональные общины и т.д., но критерием их выделения всегда служат поведенческие

особенности и противопоставление окружению при сохранении принадлежности субэтнических групп к тому или иному этносу» [9, с. 521].

Как отмечает В.Н. Курилов, «концепция субэтничности, предложенная Л.Н. Гумилевым, решительным образом отличается от всех других разработок в этом направлении прежде всего тем, что настаивает на обязательности внутренней многоуровневой структуры каждого этноса, относя «упрощение структуры этноса» к завершающим фазам его исторического пути. Нетрудно видеть, что за пределами концепции Л.Н. Гумилева возникновение и существование внутриэтнических подразделений описывается преимущественно как случайностный процесс, производный от масштабов пространственного ареала этноса и/или от локальных взаимодействий с незакономерно оказавшимися внутри или на границах этого ареала иноэтническими общностями. Кроме того, в субэтническом концепте Л. Н. Гумилева обязательной компонентой является динамика этноисторического процесса» [12, с. 4-5].

Эти принципиальные особенности понятия «субэтнос» у Л.Н. Гумилева могут оказаться перспективными для дальнейших разработок данной проблемы (на что, как представляется, указывает упомянутая выше различительная дефиниция Л.И. Шерстовой «этнической» и «этнографической» групп). Разумеется, при этом следует извлекать из построений Л.Н. Гумилева их рациональное содержание, отсекая издержки и «перегибы», в большой мере компрометировавшие его теорию этничности в глазах научного сообщества. Далеко не случайно, что В. И. Козлов счел возможным и необходимым указать даже в предельно сжатом терминологическом словаре к «Народам России» на Л.Н. Гумилева (кстати, вместе с Ю.В. Бромлеем) как сторонника «теории панэтничности» [15, с. 466], действительно представляющейся избыточно расширительной, особенно применительно к Новому времени.

В «своде этнографических понятий и терминов» под термином «субэтнос» [14, с. 899] понимается «общность людей, живущая более или менее компактно на определённой территории, адаптировавшаяся к природным условиям этой территории своим хозяйством, материальной и отчасти духовной культурой, осознающая это единство и использующая единое самосознание, т.е. отвечающая большинству признаков этноса...» [19, с. 128-129].

Согласно В.А. Тишкову, субэтнос есть лишь

«употребляемое в отечественной науке обозначение культурно-своеобразных групп в рамках одной этнической группы».

По В.Н. Курилову, «субэтнос» является закономерно и объективно возникающей и развивающейся общностью этнокультурного характера, представляющей собой некоторую часть этноса. «Таксономически «субэтнос» занимает следующую позицию вслед за собственно «этносом». Подчеркну, – пишет исследователь, – что в моем понимании субэтническая структура охватывает весь этнос, так что не может быть ни одного человека, принадлежащего к некоторому этносу, который не являлся бы одновременно членом одного из структурных субэтносов. Обособление субэтносов происходит не по принципу «часть и целое», а как часть целого против другой части того же целого».

Основания для обособления субэтносов исторически изменчивы. Однако представляется несомненным, что базовым компонентом каждого субэтноса является некоторый вариант того хозяйственно-культурного типа, который в своем обобщенном, идеальном виде выступает как характерный этносу в целом. Вариативность хозяйственно-культурного типа определяется рядом факторов, в числе которых и географический, и биоклиматический, и демографический, и экономический, и политический, и конфессиональный. В разное время и в разных местах ведущим может оказываться то один, то другой из факторов.

Различия субэтносов в хозяйственно-культурном типе, разумеется, не могут иметь кардинального характера; когда же они на деле становятся существенными, происходит становление и оформление нового этноса на базе одной или нескольких субэтнических общностей. Этнокультурные различия на субэтническом уровне не проявляются в резких, граничных скачках. Напротив, не только между ареалами (в том числе географическими) субэтносов лежат зоны «этнокультурной неопределенности», но и сами эти ареалы в значительной, а иногда и большей своей части представляют зоны смешения элементов и компонентов культурных и языковых диалектов.

Однако у каждого субэтноса непременно есть «ядро», которое в максимально выраженной, концентрированной форме является носителем специфического культурного комплекса, присущего данному субэтносу. «Ядро субэтноса» иногда может быть географически локализовано, однако, как кажется, в большинстве случаев оно «распре-

доточено» по всему субэтническому ареалу. Носителями субэтнической культурной специфики выступают малые группы, как правило, обладающие повышенным социальным, экономическим и/или идеологическим (религиозным) статусом. Именно авторитетность представителей таких групп в глазах населения (или части его) некоторой территории, а не абстрактное «самосознание» является фактором объединения в субэтническую общность.

Пространственно выраженная ареальность субэтнотосов характерна для доиндустриальной эпохи. С переходом к машинному производству, распространением механического транспорта, а главное – превращением человека в произвольно перемещаемый фактор производства, приравненный в этом отношении к прочим вещественным факторам последнего и имеющий такую же товарную форму, субэтнотосы теряют в значительной мере свою пространственную определенность и модифицируются в мозаично и дисперсно размещающиеся на этнической (для данного этапа, скорее, национальной) территории общности социокультурного характера. Различия в хозяйственно-культурном типе превращаются в различия в экономическо-культурном типе, определяемые государственно санкционированным статусом, уровнем и формой доходов, характером профессиональной деятельности и соответствующей ей образовательной подготовки и т. д.» [12, с. 5-7].

По Д.А. Доржиевой, субэтнотосы – это «наиболее существенные подразделения этнического порядка, которые могут иметь место в структуре того или иного этноса. Под ними следует понимать отмеченные специфическими чертами расселения, антропологического облика, материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта совокупности людей внутри этносов, обладающие особым самосознанием и самоназванием (субавтоэтнонимом)» [10, с. 3].

Впрочем, как справедливо заметил В.А. Тишков, «критерии выделения субэтнических групп зависят от исторических и политических условий, а также научных подходов» [14, с. 899].

В целом же разработка проблематики внутреннего структурирования этноса не завершена, и до сих пор не существует какой-либо общепризнанной концепции в данной области.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. №5.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983
3. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
4. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1972.
5. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.
6. Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6
7. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения: пер. с нем. М., 1990.
8. Гумилёв Л.Н. О термине «этнос» // Доклады ГО СССР. Л., 1967. Вып. 3.
9. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.
10. Доржиева Д.А. Субэтнотосы в процессе этнической консолидации бурят: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.
11. Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы, 1988. Вып. 18.
12. Курилов В.Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
13. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Общие сведения (языки, расы, народы) // Очерки общей этнографии: Австралия и Океания, Америка, Африка. М., 1957.
14. Народы и религии мира. М., 2000.
15. Народы России: энциклопедия. М., 1994.
16. Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. М.; Л., 1977.
17. Решетов А.М. Гетерогенность как перманентное состояние этноса // Этнос и его подразделения. М., 1992.
18. Решетов А.М. Этнос и его подразделения (К проблеме гетерогенности этноса) // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989.
19. Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциологические категории. М., 1995. Вып. 6.
20. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985.
21. Шерстова Л.И. Этноконфессиональная общность: к проблеме эволюции субэтнотосов // Расы и народы. М., 1921. Вып. 21.
22. Этнография: учебник. М., 1982.

Трегубова Динара Дмитриевна – аспирант кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119992, г. Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27/4, e-mail: 2narka@mail.ru

Tregubova Dinara Dmitrievna – postgraduate student ethnology chair, department of history, Moscow State University. 119992, Moscow, Lomonosov prospect, 27/4, e-mail: 2narka@mail.ru